

Независимая газета

Демократия и пустота

Падение Лужкова и наше политическое будущее

2010-11-24 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Отставка Лужкова, «харизматического» московского мэра, когда-то чуть ли не претендента на президентство, прошла очень спокойно. «[Единая Россия](#)», одним из лидеров которой Лужков считался, взяла под козырек и заступаться за мэра не стала. Только несколько человек с относительно независимым положением, вроде Кобзона, поддержали добрыми словами попавшего в опалу друга. Да коммунисты, проголосовав в Московской [городской](#) Думе против Собянина, придали операции легкий демократический флер – без них все выглядело бы совершенно по-советски. Всесильный московский мэр оказался бессилён. Сейчас о нём уже почти забыли.

Лужков – человек 1990-х годов. Генезис его власти и его психология – не совсем бюрократические. Он всегда подчеркивал свою индивидуальность и независимость. Но в ходе путинской централизации он был включен в бюрократическую властную вертикаль, положение в которой определяется только волей начальства. Сила и значение личности Лужкова, как и предпринимательский гений его жены, были мифами, в которые верил и он сам. (Все большие начальники – сильные личности, и у очень многих из них жены – талантливые предприниматели. Это как бы функции положения во властной вертикали.) Сейчас лужковские мифы развеялись, и скорее всего скоро исчезнет и состояние его жены.

Но я думаю, что такой же миф, только более сложный и больших «масштабов», – сила Путина. Громадная власть Путина бесспорна, и очень многие уверены, что он, а не Медведев истинный хозяин страны. Но при этом никто не задает вопрос, на чем основаны его власть и сила.

На лидерстве в «Единой России»? Но «Единая Россия» – это просто оформленная как партия бюрократия, которая по сути своей не может открыто сопротивляться ясному приказу сверху. Лужков тоже был одним из ее лидеров. Но у нее не лидеры, а начальство.

На том, что наверху везде – назначенные Путиным и преданные ему люди? Но вся московская иерархия была назначена Лужковым и предана ему, пока он был мэром. А сейчас предана Собянину.

На мафиозно-корпоративной лояльности работников КГБ-ФСБ? Но больше ли она, чем мафиозно-корпоративная лояльность московской бюрократии? И не романтический ли миф эта корпоративная лояльность? Заговор ФСБ для возвращения Путина к власти – это для любителей детективов.

На популярности в народе? Но если вычесть из этой популярности российское «начальстволюбие», много ли останется? Лужков ведь тоже был популярен. Кроме того, эта популярность могла бы что-то значить лишь в совершенно фантастической ситуации участия Путина в реально

альтернативных выборах против Медведева. Таким образом, все независимые от позиции во властной вертикали источники путинской власти очень сомнительны.

Власть Путина зависит прежде всего от порядочности и лояльности Медведева к нему и к их личным тайным договоренностям, заключенным при передаче президентского поста, и особенно от того, что до сих пор не ясно, не входит ли в них возвращение Путина в 2012 году. Если входит, значит, Медведев – ширма, а настоящий, но тайный президент и сейчас Путин. Но стоит Медведеву ясно сказать, что он намерен быть президентом и после 2012 года, и у Путина останется лишь нормальная власть премьера-назначенца. А если его затем заменят хотя бы «хорошо показавшим себя в Москве» Собяниным, то нужна будет твердая воля президента, чтобы не допустить появления на телеэкране фильмов о Путине вроде тех, которые мы видели о Лужкове и Лукашенко. А через месяц все успокаивается, и о Путине забывают. (О Лужкове забыли через неделю.)

Именно о такой перспективе мечтает сделавшая ставку на Медведева и его «модернизацию» часть нашей элиты. И перспектива эта, конечно, лучше перспективы возвращения Путина и вместе с ним уходящего «духа нулевых годов». Но ничего особенно хорошего в ней нет.

Наша политическая отсталость, вновь и вновь воссоздаваемый авторитаризм нашего политического устройства неразрывно связаны с русской способностью сразу, всем скопом бросать поверженную власть и переходить к ее травле и преданному служению новой. Это черта бюрократической психологии, из-за длительного доминирования бюрократии в нашем обществе ставшая национальной. Именно та легкость, с которой советские коммунисты оставили КПСС и советскую власть и перешли к служению новой, демократической, вела к авторитарному перерождению демократии, ибо в новую систему они перенесли свои старые и худшие привычки. С демократией получилось, как в любимом Путиным дзюдо, – она могла бы победить, если бы встретила сопротивление. Но она натолкнулась на пустоту. И то, что «демократами» стали все-таки не совсем все, и то, что осталась небольшая КПРФ, способствовало сохранению у нас элементов демократии и политического плюрализма. Для демократии нужно не столько идеологическое принятие демократических ценностей, которое может быть не более глубоким и искренним, чем принятие членами КПСС коммунистических, сколько наличие общества, состоящего из уважающих себя людей, не перебегающих сразу же к новому начальству и способных, если нужно, отстаивать свои взгляды и противостоять власти.

Поэтому, если преданность бюрократии и народа Путину полностью сменится преданностью Медведеву, это будет означать, что ничего не изменилось. Просто холопы перешли от одного хозяина к другому и приступили к работе по превращению его в копию своего предшественника. И напротив, оформление «путинизма» как самостоятельной и оппозиционной новой власти политической силы способствовало бы нашему демократическому процессу, как ему способствовало оформление КПРФ. Поэтому появляющаяся сейчас критика Медведева с «пропутинских»

позиций, вроде дугинской, – это совсем не плохо. Теоретически она также могла бы помочь оформлению либеральной альтернативы и плюрализации нашего общества, как в свое время этому помог манифест Нины Андреевой. В ряду партий, из взаимодействия которых и постепенного принятия которыми общих правил игры вызревала бы наша демократия, законное место занимала бы партия «ностальгии по нулевым», отстаивающая централизацию, консерватизм нашей модернизации и суверенность нашей демократии.

К сожалению, эта самая хорошая перспектива почти нереальна. Значительно менее реальна, чем перспектива полного падения Путина и даже чем перспектива его возвращения. Легкость падения Лужкова, после которого не осталось никакой оформленной группы его приверженцев, тотальное перебегание московских единороссов и московских чиновников к новому начальству – миниатюрная модель самого вероятного нашего будущего.